

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

Ю.П. Михаленко

ТЮРГО: НАИВЫСШИЙ ВЗЛЁТ АКТИВНОСТИ ФИЛОСОФОВ-ЭКОНОМИСТОВ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII века. Часть 2 (Продолжение)

Аннотация. Тюрго стал завершителем социальной и экономической программы буржуазных новаторов, развивавших в условиях перезревшего феодализма буржуазные взгляды. Новаторы действовали в рамках французского просвещения. Они подготовили идеологически революцию 1789 года. Тюрго поднял до наивысшего уровня экономическую теорию физиократического направления, предвосхитив в ряде отношений учение Адама Смита, в частности — в подходе к началам трудовой теории стоимости, в характеристике взаимодействия и круговорота национальных капиталов в сельском хозяйстве, торговле, ссудном деле и прочем. На посту министра финансов Тюрго решительно внедрял в жизнь рыночные меры свободы предпринимательской деятельности, преодолевая сопротивление адептов старого режима. В полемике между королём Людовиком и его министром финансов Тюрго по поводу проекта административной реформы обрисовалась расстановка классовых сил в предреволюционный период. После отставки Тюрго реакционеры поспешили ликвидировать все начатые им реформы. Революционеры 1789 года подхватили идеи Тюрго и проводили их в жизнь. Маркс недаром охарактеризовал Тюрго как великого человека, имея в виду как его административную деятельность, так и его социальную и экономическую теорию. Тюрго и сейчас, в современной России, своими трудами помогает нам постигать непростые процессы рыночной экономики.

Ключевые слова: философия, Людовик XVI, Гурнэ, капитал, фермер, купец, ростовщик, банкир, Лютер, Данте, труд.

Теперь приступим к рассмотрению теоретических трудов Тюрго. При этом будем двигаться от частного к общему. Начнём с весьма значительного сочинения «Похвальное слово Венсану Гурнэ» и близких к нему по содержанию, более кратких очерков. А завершим исследование рассмотрением наиболее содержательного и глубокого творения «Размышления о создании и распределении богатств» (1769). «Похвальное слово» написано первоначально в качестве некролога после кончины Гурнэ (1712-1759) и позднее дорабатывалось¹. Из этой работы мы главным образом и знаем о жизни и делах Гурнэ — этого без сомнения выдающегося человека своего времени, проявившего себя и как коммерсант, и как администратор, и в роли теоретика — экономи-

ста и социального мыслителя. Тюрго успел близко узнать Гурнэ и многому у него научиться. Он признавал своими учителями Гурнэ и родоначальника физиократического движения Кенэ, но не остановился на их достижениях. А теперь познакомимся с тем, что мы можем узнать о Гурнэ от его ученика Тюрго. Ученик сообщает кратко, что отец Венсана был крупным негоциантом и секретарём короля. Сына же больше всего интересовала наука о коммерции. Венсан тщательно изучал разнообразный опыт в торговле, чтобы понять управляющие ею законы. Одновременно он принялся за изучение научных трудов — голландских и английских, особенно стремясь овладеть английским языком, чтобы лучше постичь труды и опыт этого народа, ставшего самым богатым благодаря своей торговле. Венсан много путешествовал. Изучая опыт торговли в разных странах, он побывал в Гамбурге, Голландии и Англии. В 1748 г. он отошёл от торго-

---

¹ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 551-566.

вых дел. Первый вывод, который Тюрго формулирует на основании изучения опыта своего учителя, состоит в том, что каждый человек, трудящийся с пользой для себя и окружающих, «заслуживает признательности общества»².

В 1751 г. Венсан был назначен на пост интенданта торговли. Какие принципы он пропагандировал и стремился осуществить на этом посту вопреки существовавшим тогда неблагоприятным обстоятельствам. Прежде всего, он выказал стремление к защите максимальной свободы трудовой деятельности человека, к преодолению косных средневековых регламентов. Гурнэ ясно видел, сколь сильно существовавшие ограничения отбивали у тружеников желание к занятиям тем или иным промыслом. Цеховая организация ремесленного производства сложилась в глубине Средних веков. Но регламентация продукции по её качественным и количественным характеристикам всё ещё продолжала детализироваться и ужесточаться, например — в деятельности знаменитого Кольбера (1619-1683). Вот против этих препон для трудовой деятельности и выступил Гурнэ. Его аргументы: человек, желающий заняться, например, ткачеством, вынужден покупать разрешение и вступать в цех ткачей, затем — строго следовать регламенту. А между тем работник, изготовивший нестандартный кусок ткани, «добавил к массе богатств государства действительное богатство», и «если эта ткань по своему качеству хуже других тканей», то среди множества потребителей обязательно найдётся такой, для которого это худшее качество окажется более подходящим, чем дорожее стоящее совершенство. Тем не менее, вопреки этой очевидной выгоде для производителя и потребителя при существовавших дурных правилах этот несчастный нестандартный кусок ткани влечёт штраф, которому подвергается ткач, и голод его семьи. Так трудночитаемые статуты и мелочная регламентация отстраняют многих лиц от производительного труда и не позволяют им участвовать в общей торговле. Ущерб для богатства государства и блага его жителей очевиден. Тюрго со своей стороны перечисляет многочисленные препоны, угнетающие хозяйственную жизнь в те времена: отстранение женщин от работы в цеховых мастерских. Далее: порочное разделение провинций на фактически враждебные территории со своими таможенными границами. Провинции запрещали купцам из других областей свободный провоз товаров через свою территорию, торговать у

себя и имели, таким образом, возможность бороться во имя своего ничтожного интереса против общенациональных интересов. Возмутительны и такие факты, когда королевское правительство запрещало какой — то промысел в пользу отдельных групп или лиц, и тому подобное. Гурнэ формулировал свой вывод из наблюдений над административными порядками королевской Франции, утверждая, что все известные ограничения — это «остатки средневекового варварства и слабости всех правительств, не умевших ни оценить важности торговли, ни защитить общественную свободу от подавления её духом монополизма и частным интересом»³.

На борьбу против французского средневекового варварства Гурнэ привлекал свой многообразный опыт, накопленный им во время поездок по европейским странам, добившимся наибольших успехов в обеспечении свободы предпринимательства. Его обобщающий вывод таков: везде со значительными успехами существуют и серьёзные трудности. Остатки старых социальных сил, препятствующих движению вперёд, сохранились «даже в Англии». И прогрессивно мыслящие люди ведут против них борьбу, хотя и с переменным успехом. Гурнэ не устал подчёркивать, что неизжитые реликты прошлого в передовых державах следует расценивать «как остатки средневекового варварства»⁴. В самом деле, к средневековым пережиткам в Англии того времени следует отнести слабость политического управления, бесконечные распри между партиями тори и вигов, ветхость избирательной системы и многое другое. Парламентской демократии предстояло пройти длительный путь развития. Она и прежде имела и поныне сохранила серьёзные недостатки. Главный из них — неустойчивость политического режима. Но как говорил Черчилль, — вопреки всем её слабостям, лучше демократии человечество ещё ничего не придумало.

Зададимся вопросом, какому социальному и экономическому курсу, согласно Гурнэ, должно следовать дееспособное и благоразумное правительство? Тюрго передал такой ответ на этот вопрос своего старшего друга: правительству следовало бы стремиться к максимальному сближению интересов частных лиц с общественными. При этом «самое лучшее — предоставить каждому человеку делать то, что он хочет. Ведь невозможно, чтобы в коммерции, предоставленной самой

² Там же. С. 554.

³ Там же. С. 555-556.

⁴ Там же. С. 556.

себе, частный интерес не совпадал с общим». При этом «государство может интересоваться торговлей лишь с двух точек зрения: как покровитель составляющих его частных лиц, оно заинтересовано в том, чтобы никто не мог нанести другому значительного вреда, от которого тот не может себя обезопасить» своими собственными силами⁵. Заметим, что Гурнэ готов рассматривать государство как совокупность одних предпринимателей — промышленников и торговцев, игнорируя при этом существование аристократии, светской и духовной, как паразитических классов. Правительству же этот мыслитель отвёл подчинённую роль слуги народа, защищающего свободу частной хозяйственной деятельности. На тот исторический момент он сформулировал идеал, за осуществление которого ещё предстояло побороться. В новейшей социальной теории концепция максимального экономического либерализма получила название учения о государстве как своего рода ночном стороже, призванном охранять честно хозяйствующих лиц от воров и грабителей.

Но идём дальше. Согласно Гурнэ, правительство, если оно заодно с народом, неся затраты на внешние войны и внутреннее управление, должно быть «заинтересовано в том, чтобы масса богатств государства и годовая продукция земли и промышленности были возможно большими», как и озабочено тем, чтобы не происходило ценовых потрясений, народного голода и возмущений населения. По убеждению мыслителя, в отношении этих целей «интерес всех частных лиц, освобождённых от всяких стеснений, неизбежно совпадает со всеми этими видами общественной пользы»⁶. Гурнэ был решительным сторонником того идейного течения, которое в предреволюционной Франции XVIII в. получило название «новой системы». К этой системе принадлежали самые решительные сторонники устранения феодалных пережитков из жизни страны. Гурнэ характеризовал это движение в таких ясных, но энергичных выражениях: его представители руководствуются «лишь житейскими правилами самого простого здравого смысла». Эта система опирается «на такое правило: человек сам лучше знает, что ему нужно, чем другой, которому эти интересы совершенно безразличны»⁷.

Вот так французская буржуазия, вслед за английской, и ободренная идеями Локка, выдвигала свой здравый смысл в качестве регулирующего принципа человеческих отношений вместо ветшавших религиозных и сословных предрассудков.

Характеризуя деятельность Гурнэ, Тюрго подчёркивал, что тот в качестве интенданта торговли с 1753 по 1756 год совершил многочисленные поездки по французским провинциям, основательно ознакомившись с местными ресурсами, с состоянием сельского хозяйства, промышленности и торговли и к тому же пытался воздействовать на происходившие процессы в соответствии со своими принципами — насколько допускали обстоятельства.

Таким образом, подводит Тюрго итог своему анализу делам своего учителя, его основной страстью было «стремление к общественному благу». Автор добавляет, что вокруг Гурнэ группировались люди, интересовавшиеся изучением экономических и социальных проблем. Они опубликовали известное количество работ, «очистивших наш народ от обвинения в легкомыслии, которое им было более чем заслужено безразличием к изучению истинно полезного»⁸. Что касается легкомыслия, то достаточно вспомнить крайнюю распущенность нравов королевского двора при Людовике XIV и Людовике XV, которая шокировала всякого трезво мыслящего наблюдателя, посетившего Париж в те времена.

А когда речь заходит об учениках Гурнэ, то на ум приходит в первую очередь сам Тюрго, который сопровождал своего наставника в поездках по стране и усвоил его принципы из его слов и дел. Благодаря этому общению, ученик сохранил память о своём прекрасном учителе в «Похвальном слове», а также в своих подходах к административной и научной работе, неустанно применяя и развивая принципы учителя. Так в статье «Ярмарка», опубликованной в большой французской Энциклопедии, том 7, в 1757 году, Тюрго развивал такие мысли: государство способствует созданию ярмарок в некоторых отдельных местах, даруя им освобождение от пошлин, которыми торговля чрезмерно обременена на всей остальной территории. Тюрго указал, что вред от такого устройства ярмарок состоит в том, что их пышность и даруемые им привилегии прикрывают, маскируют отсутствие свободы торговли на

⁵ Там же. С. 556-557.

⁶ Там же. С. 557.

⁷ Там же. С. 556.

⁸ Там же. С. 554.

всём остальном экономическом пространстве государства. Автор напомнил о торговых свободах, уже достигнутых в Голландии. Если и устраивать ярмарки, то «делать это надо по голландскому примеру». «В Голландии не бывает никаких ярмарок, но на всём протяжении этого государства и в течение всего года, можно сказать, происходит непрерывная ярмарка, ибо торговля там всегда и повсюду процветает»⁹. Тюрго в данном случае использовал опыт поездок Гурнэ по Голландии. Напомним, что первая европейская буржуазная революция совершилась в Нидерландах в 1566-1609 гг. под знаменем кальвинизма. Восставшие свергли власть испанской бюрократии и католической церкви и провозгласили республику Соединённых провинций. В 1609 году в ней решающим влиянием пользовались уже купцы, промышленники, финансисты и прочие подобные лица, а не титулованная знать. Голландия быстро превратилась в ведущую торговую державу, соперницу Англии на морях, предмет зависти многих европейских буржуа.

Тюрго решительно высказывался против благотворительных фондов, которые создавались для подачек нищенствующей братии, нашедшей способ иметь кусок хлеба без трудовых усилий и особых забот. Он заявлял: «Дать возможность жить бесплатно большому числу людей значит поддерживать праздность», оказывать предпочтение бездельнику перед трудящимся. Многие хотят бездельничать, нагрузка же на трудящихся от этого возрастает. Тюрго достаточно подробно развивает эту свою мысль, настаивая на том, что благотворительные фонды вредны для государства. Многие лентяи не хотят трудиться, предпочитая бродяжничать и разбойничать. Эти фонды поощряют тягу к тунеядству, уменьшают «для государства сумму труда и произведений земли». Отсюда — усиление нищеты и сокращение численности населения, а «порода искусных в мастерстве граждан заменяется гнусным простонародьем, состоящим из нищих бродяг, готовых на всякого рода преступления». Тюрго предложил радикальный проект избавления от нищих и бродяг: их можно было бы выселять в колонии. Он добавлял, что, вероятно, в Европе не найдётся ни одного благотворительного фонда, «который выдержал бы испытание с точки зрения просвещённой политики». Даже при церквях в больничных палатах господствуют низкие стра-

стишки — тщеславие, зависть в отношении друг друга, соперничество и тому подобное¹⁰.

Впрочем Тюрго допускал создание благотворительных фондов, предназначенных для нетрудоспособных и лишённых родственного надзора престарелых инвалидов, подкинутых младенцев и тому подобных беспомощных лиц. Как удачный пример решения проблемы призрения и искоренения нетрудового нищенства Тюрго приводит пример города Байи, севернее Парижа. Жители этого города собрали сумму денег, что позволило трудоустроить здоровых нищих, «оказывая милосердие инвалидам». Как трудоустроить? Всегда найдётся какая-нибудь общепользная деятельность: столярничать, плотничать, слесарить и прочее. Таково воспитание трудом, как в годы раннего христианства. Весьма полезная инициатива снизу, самодеятельность населения. Тюрго добавляет, что подобные примеры имеются и в других местах его прекрасной Франции.

Добавим от себя, коли уж Тюрго предложил учитывать опыт всей Европы, что любопытный способ борьбы против бродяжничества нашёл хорошо известный своей воинственностью прусский король Фридрих II. Всех здоровых бродяг он приказал отловить и приучить к военному строю. Так как бродяги не были приучены к дисциплине, к ним применили методы прусской муштры, палочной дисциплины. При победах такие солдаты ещё удерживались в строю. При неудачах же они разбежались и опять принимались за старое. Так и случилось в ходе Семилетней войны (1757-1763), когда в сражении при Кунерсдорфе в 1759 году войско прусского короля было наголову разгромлено русскими войсками. Его остатки разбежались. Сам прусский король был близок к самоубийству, но его насильно увлекли с поля битвы его адъютанты. Если его бродяги — дезертиры не сбежали за границу, то король — Сержант (так Фридриха прозвали за его пристрастие к муштре) их снова отловит, примерно накажет и снова поставит в строй. Как сказано у Грибоедова: «Он в три шеренги вас построит. А пикните, так мигом успокоит».

Вслед за своим учителем Тюрго решительно штурмовал бастионы королевской бюрократии. Её адепты оправдывали своё существование под тем предлогом, что администрация призвана осуществлять контроль над продажными ценами в торговле, чтобы эгоистические купцы не брали лишнего с наивных покупателей. На это Тюрго

⁹ Там же. С. 549-550.

¹⁰ Там же. С. 538-539.

дал убедительный экономический ответ, не потерявший значения и в наши дни: мы не должны перекладывать на государство заботу, которая сильна для каждого человека. Бюрократ не способен уследить за всеми процессами на рынке. К тому же, в чью пользу чиновник станет регулировать цены? Если установить низкие цены в пользу покупателей, то пострадают продавцы и могут уйти с легального рынка в тень, укроются от государственного налога с оборота. Если чиновники завьют цены, пострадают покупатели. Самое лучшее в торговле — это позволить покупателям и продавцам погрузиться в свободную игру спроса и предложения и на деле освоить рыночные законы. При таком подходе государство получит двойную выгоду. Оно сможет избавиться от лишнего числа надзирающих чиновников. Это — «раз». Кроме того, собираемость налогов повысится, ибо как покупатели, так и продавцы признают правила игры честными и у них не останется повода уходить в тень. Вот вам и «два». Так это и происходит в наши времена там, где упрочились реалии свободного рынка.

И всё же Тюрго отдал решительное предпочтение непосредственному производителю, который выставляет свои товары на рынок, ибо «труд производителя удовлетворяет все потребности общества, и этот труд не имеет иной цели кроме выгоды от продажи»¹¹. Дело подходит к уяснению принципов. Нельзя покушаться на право собственности. Это, авторитетно утверждает автор, — «основной принцип». Как обеспечить пропитание и прочее потребление народа по приемлемым ценам? Только открывая простор для свободной конкуренции. Это ещё один принцип. При таком условии продавцы хлынут на рынок, и массовое предложение товаров приведёт к снижению цен к выгоде покупателей. Продавцы, однако, не могут отказаться от минимума прибыли, которая должна быть достаточной для возмещения издержек производства. Если же чиновники установят цены ниже самого низкого, тогда торговля начнёт рушиться, а за ней и производство. Поэтому: долой паразитирующее чиновничество!

Тюрго неустанно подчёркивал значимость права собственности, как основы буржуазного общества, возводя его в ранг вечного, «естественного» закона: «Покушаться на право собственности, значит нападать на основной принцип всякого общества, ибо полное и безраздельное пользова-

ние собственностью является целью всякого законодательства, побуждением, заставившем людей покинуть дикое состояние, чтобы объединиться в общество и подчиниться законам»¹².

Этот принцип весьма обстоятельно разработал друг, соратник и единомышленник Тюрго Дюпон в своём знаменитом сочинении «О происхождении и развитии новой науки» (1768)¹³.

Тюрго отстаивал максимальную свободу предпринимательства: что касается настоятельных потребностей всех людей в пище, в воспитании детей и прочем, то «в этой области общее благо должно быть результатом действий каждого частного лица в собственных интересах». Каждый здоровый человек должен «добывать пропитание своим трудом», «обязанности государства в отношении каждого из своих членов заключаются в устранении препятствий, которые мешают их деятельности»¹⁴. Исходя из таких соображений, Тюрго делал вывод о неизбежной кончине старого режима — в соответствии с извечным законом исторического изменения. Он смело утверждал, что «ни одно из творений человека не создано для бессмертия». Если бы вся земля была занята могилами и монументами умерших, «то, чтобы найти землю для обработки, было бы совершенно необходимо разрушить эти бесполезные памятники и потревожить мертвецов, чтобы накормить живых»¹⁵. Итак, реликты старого — это «живые мертвецы», «бесполезные памятники». Как сказано у Маяковского: «Они упадут перезрелую грушею, как только их потрясут». Дело шло к этому. Тюрго не был лишён дара предвидения. Старый режим должен был уйти и очистить место для новых людей и иных форм деятельности.

Важнейшую экономическую задачу Тюрго усмотрел в максимальной свободе продуктами зерноводства: «Чем более обширное пространство охватывает торговля зерновыми и чем разнообразнее условия климата и почвы, тем большими и более надёжными становятся выгоды этой торговли». Свободный вывоз зерна «освобождает эту торговлю от всякого риска, негоциант, который рассчитывает на потребности всего мира, рассчи-

¹² Там же. С. 535.

¹³ Мы рассмотрели основные положения этой работы в статье: Михаленко Ю.П. Дюпон де Немур: распространение физиократических идей в условиях борьбы европейских держав за преобладание // Философия и культура. 2011. № 7. С. 155-182.

¹⁴ Там же. С. 542.

¹⁵ Там же. С. 544.

¹¹ Там же. С. 534-535.

тывает наверняка»¹⁶. Тюрго не был лишён тяги к космополитизму. И в этом — урок для современных россиян. Уж у какой страны как не у России, столь обширное пространство и бесконечно разнообразные условия для сельского хозяйства и в центре, и на юге, и на востоке. Россия и сейчас уже успела выдвинуться на одну из лидирующих позиций в мировой торговле зерном. Что обещает ей вступление во Всемирную торговую организацию? Ответ нам подсказал Тюрго. В самом деле, население земного шара возрастает, как и промышленное развитие многих стран. А возможности для расширения посевных площадей имеются далеко не повсюду. Преимущества России в этом отношении неоспоримы. У неё масса пахотных площадей заброшена и ждёт своего часа, чтобы быть пущенной снова в сельскохозяйственный оборот. И вот этот час близится. Так — что вперёд, во Всемирную торговую организацию.

В заключение этого раздела мы отметим ещё одно важное разъяснение Тюрго относительно хождения бумажных денежных знаков, Это разъяснение тоже не потеряло значения в наши дни. Речь идёт о соотношении в торговом обороте золотой и серебряной монеты, с одной стороны, и бумажных банковских билетов — с другой. Свою точку зрения на этот вопрос Тюрго высказал в письме к одному из своих друзей — от 7 апреля 1749 года.

Поводом для письма послужила деятельность шотландского экономиста Джона Ло (1671-1729), который в период регентства Филиппа Орлеанского во время малолетства Людовика XV, проявил ловкость, сумев стать генеральным контролёром финансов во Франции. Он предложил регенту выпускать не обеспеченные драгоценными металлами бумажные деньги. В 1716 году Ло основал Генеральный банк. Бумаги, выпускавшиеся банком, сначала имели бешеный успех, благодаря умелой и назойливой пропаганде. Ажиотаж продолжался несколько месяцев. Затем все бросились менять свои билеты на золото и серебро. Выплат хватило не надолго. Ло бежал нищим и умер в Венеции.

Тюрго дал такую оценку подобным операциям: король может ввести бумажные деньги, но как к ним отнесутся те, кто участвует в торговом обороте? Если бумажную массу увеличивать неограниченно, то ассигнации будут обесцениваться. Народ вряд ли согласится продавать свои товары за бумажки, которые множат простым росчерком

пера. Бумажные чеки должны иметь золотое и серебряное банковское обеспечение, иначе люди от них отвернутся. Так обстоит дело с любым долговым обязательством, Чек должен быть обратим в реальные деньги, серебряные и бумажные деньги должны одинаково представлять друг друга.

Нечто, подобное махинациям Ло., россияне пережили в период финансовых реформ Ельцина — Гайдара 1990-х годов, когда спутником гиперинфляции стал выпуск кредитных билетов, не имевших банковского обеспечения золотом и серебром, что сопровождалось ажиотажем вокруг финансовых пирамид, их неизбежного краха и прочего. Совсем иное дело — сейчас. Вы имеете возможность в банке обменять свои казначейские билеты на золотой слиток и хранить его в сейфах того же или иного банка.

Теперь обратимся к анализу главного, самого обстоятельного и глубокого творения Тюрго, именуемого «Размышления о создании и распределении богатств», завершённого и опубликованного в 1769 году¹⁷.

Заметим, что автор этого сочинения выдвигал на первый план экономические факторы и предпочёл рассматривать их, как определяющие в общественной жизни, в чистом, наиболее ясном виде, оглядываясь на сопутствующие им исторические, социальные и политические обстоятельства как на такие, которые так или иначе воздействовали на экономику, замедляя или ускоряя, затрудняя или облегчая её развитие. (Напомним: Тюрго явился одним из родоначальников теории исторического прогресса¹⁸).

Как человек, причастный в своём духовном развитии началам физиократической школы, Тюрго мысленно отправляется от сил матушки — природы, замечая, что она даёт человеку, как и всем живым существам, то, что им нужно для жизни. Сначала люди занимались собиранием диких плодов и скотоводством, и это обрекало их на кочевничество в поисках новых угодий. Но вот обретено искусство земледелия, и стала возможной осёдлость.

Далее мысль Тюрго выводит вот какую последовательность рассуждений. Земледелец обнаружил, к своему глубокому удовлетворению, что земля способна давать урожай более значитель-

¹⁶ Там же. С. 572.

¹⁷ Там же. С. 578-635.

¹⁸ См.: Тюрго А. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

ный, чем необходимо для простейшего прозябания его организма. На его заботу по обработке земля откликнулась благодарностью, оплатив добром за добро, да ещё и с лихвой. Люди обрабатывали такую площадь, какую могли освоить. Но участки качественно разнообразны. И не каждый участок пригоден для получения всего, в чём нуждается человек. Кроме пропитания всякому требуется ещё многое — одежда, жилище и прочее. Тот, кто выращивал зерно, думал, где бы раздобыть льна и конопли для изготовления одежды, а другому нужны дрова для отопления жилища. Всё это легче получить путём обмена, чем пытаться производить самому. А наряду с обменом возникло и развивалось разделение труда, специализация в различных видах деятельности. Автор подчеркнул важное обстоятельство: специализация стимулировалась условиями производства. Ведь многие продукты требуют длительных сроков для своей качественной обработки. Сложности с зерном: его надо вырастить, собрать, обмолотить, размолоть, выпечь хлеб. Сходно с другими вещами: шерсть, лён, пенька и прочее. Всюду нужны время, затраты труда и мастерства ради приготовления конечного продукта — потребительской ценности.

Все эти процессы требуют умения, которое приходит с длительным опытом. Так наряду с обменом продукта на продукт возник обмен продукта на труд умельцев, занятых высококачественной обработкой продуктов земли. Это повысило производительность труда.

Заметим, что, по мысли Тюрго, ремесленник естественно возник из глубоких потребностей и закономерностей развития самого сельского хозяйства, можно сказать: вырос из его недр и отделился от них.

Но Тюрго настойчиво подчёркивал первичность труда земледельца, производящего исходный продукт: он «является первой движущей силой» всех работ. Он «производит на своей земле заработок всех ремесленников». Так как его труд первичен, он и более независим. Это тот же труд, который его питал «до общественного разделения труда». «Это не первенство в смысле почёта и достоинства; это первенство, обусловленное физической необходимостью»¹⁹. Земледелец может выжить без ремесленников, но они не выживут, если тот их не обеспечит средствами труда и жизни. Вот такая восхитительная, неотразимая логика

у этого мыслителя. Отсюда видно, что Тюрго не проводил такого резкого различия между трудом ремесленника и землероба, как это делал Кенэ, родоначальник физиократии, и его правоверные приверженцы, которые часто искажали, «редактировали» работы Тюрго в угоду своим предпочтениям. Тюрго в таких случаях протестовал, но не всегда успешно. Позднее независимым издателям сочинений Тюрго пришлось провести значительную работу по восстановлению его подлинных взглядов. Тюрго защищал независимость своей позиции от любой доктринёрской секты, предпочитая критическое общение с представителями разных убеждений. Однако, в основе экономических воззрений Тюрго, как и у Кенэ, лежит убеждение, что в основе хозяйственной жизни государства лежит труд земледельца.

Тюрго развивает свои мысли: «В этом обороте, который благодаря взаимному обмену предметами, удовлетворяющими потребности, делает людей необходимыми друг другу и создаёт между ними общественную связь, труд земледельца создаёт первое движение. То, что труд земледельца извлекает из земли сверх необходимого для удовлетворения его личных потребностей, образует единственный фонд заработков, которые получают все другие члены общества в обмен за свой труд». Последние, покупая продукты землероба, «возвращают ему только то, что они получили»²⁰.

Вот в этой фразе «возвращают ему только то, что получили», Тюрго наиболее близок Кенэ. Но с позиций современных взглядов в этом пункте рассуждений Кенэ и Тюрго содержится серьёзный просчёт. Ремесленники возвращают далеко не только то, что они получили, а много большее, а именно свой овеществлённый труд, то есть потребительскую ценность в новом качестве. На современном языке: товар с высокой добавленной стоимостью, с дополнительным богатством. Всё же в этом вопросе следует иметь ввиду известную разницу между позициями Тюрго и Кенэ. Тюрго значительно более приблизился к современной нам точке зрения, и это обстоятельство станет яснее при дальнейшем рассмотрении предмета.

Но вот Тюрго вводит в идеальное экономическое взаимодействие наёмного работника, то есть человека, не обладающего какой — либо существенной собственностью и готового предложить любому хозяину свои рабочие руки,

¹⁹ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 580-581.

²⁰ Там же. С. 581.

трудовые усилия за некоторую приемлемую зарплату. Чем определяется эта плата за труд? Тюрго устанавливает здесь некоторые закономерности. Он замечает, что на рынке труда существует конкуренция между работниками, предлагающими свои рабочие руки. Используя эту конкуренцию, работодатели сбивают зарплату до минимума, который рабочему абсолютно необходим «для поддержания жизни»²¹. Но откуда берутся сами рабочие руки? Ответ Тюрго таков: первоначально землепашец не отличался от собственника земли. Мыслитель настойчиво подчёркивал роль труда во всех экономических процессах. Так и здесь — в обосновании исходного права на земельную собственность: «Именно благодаря труду тех, которые первыми стали обрабатывать землю и которые огородили её для того, чтобы обеспечить себе урожай, земля перестала быть общей собственностью, установилась частная собственность на землю»²².

И вот, когда все пригодные земли были заняты, пришедшим позднее приходится обменивать труд своих рук на зарплату. А зарплата найдётся у тех хозяев, у которых появится излишек продукта сверх той части, что идёт на его личное потребление, на потребление его семьи и на обмен с ремесленниками всякого рода. Вот как появились продукты для оплаты наёмного труда — необходимая предпосылка существования рабочего класса. Далее Тюрго обращает внимание на то, какие естественные причины влекут неравное распределение земельной собственности. По его мысли, большая семья и состоящая из более трудолюбивых людей, чем иные, первоначально заняла и приступила к обработке значительно большего участка земли, чем семьи, состоящие из меньшего числа людей, да к тому же склонных к лени. Такова первая, исходная причина неравенства земельной собственности. Далее, земли, переходя по наследству, дробятся неравномерно. При этом различия в таких качествах наследников, как бережливость, усердие, умение и другие обстоятельства, порождают бесконечное разнообразие в распределении земельной собственности.

Если собственник разоряется в силу каких-нибудь неблагоприятных для него обстоятельств, его земельная собственность отчуждается. В другом случае собственник разбогател, и его земельные владения стали столь обширными, что он не в

состоянии обрабатывать их личными силами при помощи своей семьи. Тут появилась возможность сдать свои угодья, целиком или частично, в аренду. Таков путь появления класса арендаторов — предпринимателей, хозяйствующих на чужой земле и уплачивающих её собственнику определённую арендную плату. Арендатор при разделе произведённой им продукции должен получить изрядную долю — не меньше того, что необходимо для существования его самого с семьёй. Сверх того, арендатор вправе рассчитывать на прибыль, которая вознаградит его за трудовые усилия и позволит ему продолжать вести хозяйство на земле хозяина. Собственник же земли получает возможность жить за счёт арендной платы, не работая. Так появляется класс рантье. Такой рантье, если он не лишён амбиций, а труд на земле кажется ему уже недостойным его более высокого положения, «чтоб от работ не засалилась манишка», то он выбирает для себя путь воина, судьи или исполнителя какой-либо иной общественной функции.

Раньше Тюрго выяснил, как возникло различие между ремесленником и землеробом. Теперь он считает необходимым подойти к вопросу с противоположной стороны. Вот его постановка вопроса в общей форме: «Сходство между двумя работающими или занятыми классами». А вот и пояснения: земледельцы (речь идёт об арендаторах) и ремесленники «во многих отношениях схожи», главным образом в том, что лица, их составляющие, не обладают никаким доходом (то есть: нетрудовым) и «одинаково живут на заработки, которые им выплачиваются из продуктов земли. И те, и другие схожи ещё в том, что они выручают только цену своего труда и свои затраты, причём цена эта почти одинакова для обоих классов»²³. Работодатель торгуется совершенно одинаково с нанимаемыми им, будь то батрак в земледелии, или сапожник, понижая всемерно оплату наёмника до минимума, ниже которого у бедолаги исчезнет стимул отдать себя в кабалу.

Собственник земли, весьма проницательно заметил Тюрго, неизбежно сталкивается с множеством хлопот, когда имеет дело с наёмными работниками и управляющими: они всячески стараются его обмануть, расхитить всё, что плохо лежит, из имущества хозяина. Как видим, жизнь богатых тоже не свободна от теневых сторон. И эти тоже плачут.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 583.

²³ Там же. С. 586.

От отвлечённой теории Тюрго делает отступление к французской действительности, замечая, что в местном хозяйстве до нового времени сохранилась широко распространённая форма колоната, дошедшая от времён поздней римской империи. Колон — это поселенец на земле (буквально). Римские латифундисты некогда нашли более выгодным заменить малоэффективный рабский труд в своих угодьях хозяйствованием бедняков, которых селили на земле с условием обрабатывать её, получая в награду часть урожая, например — половину. Отсюда название — половники. В силу очевидной материальной заинтересованности колон усерднее трудился, тщательнее обрабатывая почву, хлопотал о более богатом урожае. Тюрго отметил, что подобных работников во Франции очень много. И они называются по-разному: колонами, половниками, испольтчиками.

Наконец, логический анализ экономики, который осуществлял Тюрго, достиг денежных отношений, понятия капитала. Он рассуждает на такую вот тему: «О капиталах вообще и о доходах от денег». Тюрго заявил, что в деньгах человек нашёл средство «быть богатым, не трудясь и не обладая землями». «Не трудясь» — это выражение надо понимать условно, со значительными оговорками — в том смысле, что безбедная жизнь за счёт дохода от своего капитала не требует от капиталиста грубого физического труда, расходования мышечной энергии, которое присутствует, например, в труде землекопа. Но капиталист всё же вынужден расходовать умственную и душевную энергию, учитывая все возможные выгоды и просчёты в своих делах. Капиталист получает доход, ссужая свои деньги заёмщику под определённый процент. Но здесь теоретик вынужден отвлечься к общей теории денег. Он полагает, что деньги возникли как один из товаров наряду с другим товарами. И что постепенно под влиянием естественных условий универсального товарообмена на первый план в качестве платёжного средства выдвинулось золото и серебро. Золото и серебро сами по себе в известном смысле даже менее ценны по сравнению с другими потребительскими вещами. Если вы в одиночестве попали в трудные обстоятельства и не ждёте скорой помощи, то добрая краюха хлеба в этом случае для вас важнее звонкой монеты в кармане. Не удовлетворяя насущной жизненной потребности человека, золото и серебро стали тем не менее представлять всякое богатство. Чтобы понять, как это случилось, нужно взглянуть на процесс возникновения торговли.

И Тюрго теперь отвлекается уже на логический анализ принципов торговых отношений: «Взаимная потребность привела к обмену того, что имеется, на то, чего нет. Стали обменивать один товар на другой товар и на труд»²⁴. Как при этом достичь соглашения между товаровладельцами о сравнительной ценности обмениваемых товаров? Да путём заурядного торгашества. Каждый хочет получить больше, дать поменьше. Торгуясь, они уступают друг другу, приближаясь к взаимоприемлемому уровню. В другом случае другая пора торговцев, при иных потребностях, сойдётся на иного рода соглашении. Таким образом, человек, люди, продавец и покупатель, их более или менее сильное желание получить в руки тот или иной товар служит истинной мерой, которая определяет договорную цену товара. Здесь невольно вспоминается афоризм древнегреческого мудреца Протагора: «Человек — мера всех вещей. Об этом афоризме нам представится случай сказать подробнее в дальнейшем.

Вернёмся к рассуждениям Тюрго. Дело договорной ценой пары торговцев не ограничивается. На открытом и свободном рынке действуют сразу много продавцов и покупателей, каждый со своим товаром, со своим спросом и предложением. В результате на рынке при массовом товарообмене установится некоторая текущая цена, уравнивающая соотношение желаний и возможностей всех вступающих в сделки продавцов и покупателей. И вот эта равнодействующая волевых усилий всех субъектов рынка будет величиной объективной в том смысле, что, возникнув как обобщение волеизъявлений всех участников рынка, она затем навязывается этим участникам как сила, довлеющая над ними, с каковой им всем приходится считаться. Как выразился позднее Адам Смит, это — «невидимая рука рынка».

Тюрго же назвал эту общую цену текущей ценой, утверждая, что свободная торговля «даёт каждому товару текущую ценность в отношении каждого другого товара, из чего следует, что всякий товар является эквивалентом некоторого количества всяких других товаров» и содержит в себе потенциальную способность к обмену²⁵. Хлеб, в принципе, можно обменять на любой другой товар. То же самое верно относительно баранов и многих других продуктов. Таким образом, всякий пользующийся спросом товар может служить

²⁴ Там же. С. 593.

²⁵ Там же. С. 594.

«общей мерой» для сравнения ценностей всех других товаров. Речь пока — что у Тюрго идёт о прямом продуктообмене, без посредничества денег. Такой продуктообмен, под названием «бартера», получил в России широкое распространение при переходе от советской плановой экономики к рыночной стихии во времена Ельцина — при катастрофическом обесценении бумажных денег. Производителям товаров нужно было найти на рынке непосредственно или через товарную биржу нужного контрагента и обменять одни товары на другие, не прибегая к деньгам.

Но вот Тюрго развивает свою мысль: «Отсюда следует, что в стране, где торговля весьма оживлённа, где много производят и много потребляют, где большой спрос и предложение на всякого рода товары, каждый вид товара будет иметь текущую цену по отношению к другому виду»... «Отсюда явствует, что все виды товаров, могущие быть предметом торговли, взаимно, так сказать, измеряют друг друга». И «всякий товар становится в руках того, кто им владеет, средством для получения всех других»... На этом этапе анализа развития свободного рынка Тюрго находит уместным ввести новый фактор. Речь идёт о монете. «Не всякий товар представляет равно удобный масштаб ценностей»²⁶.

При выборе такого масштаба приходится принимать во внимание свойства, касающиеся его числа, количества и качества. Автор поясняет: человек с одной штукой холста располагает более надёжным эквивалентом других товаров, чем тот, у которого бочонок вина, ибо вино подвержено большим рискам, чем холст. Вино может прокиснуть при ненадлежащих условиях хранения и транспортировки. Тюрго устанавливает следующий важный тезис: «Всякий товар обладает двумя существенными свойствами монеты: измерять и представлять всякую ценность, и в этом смысле всякий товар есть монета». Автор добавляет: в этом состоит суть монеты — «служить общей мерой все ценностей». Различные товары обладают этими свойствами в большей или меньшей степени — «в зависимости от того, больше ли они находятся в общем употреблении, более ли они схожи по качеству и легче ли они делятся на части равной ценности». При этом мыслитель не забывает напомнить: «В свою очередь всякая монета по существу является товаром». Но: «За общую меру ценностей можно принять только то, что само имеет ценность и при-

нимается в торговле в обмен на другие ценности». «Поэтому монета как нечто совершенно условное — вещь невозможная»²⁷.

Это невозможная вещь в том смысле, что она не соответствует указанному требованию обмена одной ценности на эквивалентную ей ценность. Именно это соображение игнорировала деятельность афериста Ло, который обещал устранить финансовый кризис во Франции продажей банковских билетов, лишённых обеспечения драгоценными металлами. Нарушение экономических законов не проходит даром. Аффёра лопнула, аферист сбежал.

В подтверждение своих взглядов Тюрго ссылался на использование дикарями в меновой торговле морских раковин. Эти раковины имеют реальную ценность, ибо, как подтверждает половица, без труда не выловишь и рыбку из пруда. У древних кочевников монетой по преимуществу служила их главная ценность — скот.

И, наконец-то, выяснив всесторонне содержание понятия «монета», Тюрго приступил к объяснению того, почему мы, то есть всё человечество, когда-то пришли к необходимости принять золото и серебро в качестве главной ценности, да так до сих пор и не можем оторваться от этой пуповины. Все металлы, поясняет теоретик, по мере того, как люди их открывали, начинали добывать и пускать в дело, использовались и ценились в соответствии с их полезностью. Они служили для украшения. Лёгкоплавкость и твёрдость делали их пригодными для изготовления сосудов, более прочных, чем сосуды из глины. Медь использовалась для выделки оружия в бронзовый — гомеровский — век. Но как только вновь найденные металлы попадали в сферу торговли, они неизбежно становились монетой. И для выполнения этой специфической функции они особенно пригодны. У многих металлов — постоянное качество. К тому же они легко делимы. Таким образом, металлические монеты предлагают «для всех ценностей выражение наиболее ясное, наиболее удобное и наиболее точное»²⁸. А вот золото и серебро, которые довольно редки по сравнению со многими другими металлами, превосходят их в специфической функции монеты уже потому, что имеют наибольшую ценность при наименьшем весе. Поэтому золото и серебро потеснили все неблагородные металлы в роли универсального масштаба ценностей. Они стали

²⁶ Там же. С. 595.

²⁷ Там же. С. 598.

²⁸ Там же. С. 599.

такowymi «как легче дробимые, более неизменные и удобнее перевозимые», чем все другие товары. Тюрго специально подчёркивает естественность, объективную необходимость выдвигания золота и серебра на роль основного носителя функции монеты в торговом обороте. Золото и серебро получили всеобщее признание в качестве денег «без всякого произвольного соглашения людей, без вмешательства какого бы то ни было закона, а по самой природе вещей»²⁹.

Добавим, что если власти вмешиваются в выполнение золотом и серебром их естественной функции в торговле — в целях собственной выгоды, — то это, как правило, ведёт к искажению торговых процессов, нарушению свободы торговли. Тюрго отметил, что для других металлов при золоте и серебре в их функции денег сохранилась лишь вспомогательная роль. Так, из меди чеканится мелкая разменная монета.

Мыслитель приводит данные о сравнительной ценности золота и серебра в его время: в Европе дают от 14 до 15 унций серебра за одну унцию золота. А в древнем Риме это соотношение колебалось в пределах 1 к 10. Но указанные соотношения никогда не остаются постоянными. Тысячи обстоятельств влияют на изменение ценности всех товаров, в том числе монет. В особенности же употребление золота и серебра в качестве монеты повысило их ценность как товара. На них увеличился спрос, а это всегда повышает ценность всяких вещей.

Тюрго указал на важнейший результат развития денежного обращения: оно резко ускорило разделение общественного труда, толкая тружеников к занятию какой — либо одной профессией, а это позволяло достигать высоты профессионализма в узкой области, а на проданные изделия обретать денежное богатство, обеспечивающее существование профессионала, его разнообразные потребности. Автор делает обоснованный вывод, что развитие денежного обращения, а именно «употребление денег чрезвычайно ускорило общественный прогресс»³⁰. Итак, Тюрго — идеолог общественного прогресса. Всё большее внедрение в торговлю денег стимулировало жажду каждого заработать их как можно больше, или продавая излишки «своих продуктов, или своим трудом в полной уверенности, что на эти

деньги можно получить всё остальное»³¹. Погоня за наживой в денежном виде стала знаменем времени. Нажитое так богатство накоплено в самой, что ни на есть, долговечной форме и к тому же максимально удобной. Наличие денежного резерва становится условием успешного ведения дел в каждом хозяйстве. Все меры «по обработке земли, в промышленности, в торговле требуют предварительных затрат»³². Например, в сельском хозяйстве землю нужно не только обработать, но и людей прокормить до нового урожая. Следует подготовить рабочий скот, жилые и рабочие помещения, необходимый инвентарь, посевные материалы и прочее. Становится понятным, что только при крупных авансах аграрий может получить со своей земли значительное количество продукта, а его земля приносить большой доход. Аналогичные предварительные затраты вынужден производить всякий промышленник. Следовательно, и ему приходится держать в запасе изрядный капитал — резерв на случай непредвиденных расходов.

Сбережения, накопленные в виде денег, — это и называется капиталом — вводит такое определение Тюрго. Однако, — замечает он, — капитал в денежной форме — это наиболее подвижная, но всё же не единственная часть того, что может накопить рыночный человек и что мы называем движимым имуществом. Сюда относится и мебель в нашем доме, более или менее богатая, посуда, товары на складах, инструменты всякого ремесла, домашний скот и ещё многое — «вот что принадлежит к этому роду богатства»³³. И всё это может быть обращено в деньги. Не следует всё же забывать, что грань между движимым и недвижимым имуществом подвижна. Так, каждая постройка на земле может быть снесена, обнаружив свою подвижность. А вот земля снесена быть не может. Она — единственно безусловно недвижимое имущество и самый надёжный источник дохода. Но самое подвижное имущество — деньги. В условиях рынка их стремится накопить каждый человек. Это всего удобнее, хотя не всегда надёжно.

Тюрго рассуждает: «Боязливый скупой, который собирает деньги, чтобы успокоить своё воображение, заставляющее его опасаться возможного недостатка необходимых для жизни вещей в неизвестном будущем, хранит свои деньги

²⁹ Там же. С. 600.

³⁰ Там же. С. 602.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 604.

³³ Там же. С. 603.

в наличной массе. Если опасности, которых он ожидал, осуществляются, и если ему приходится из-за бедности жить ежегодно за счёт своего сокровища, или если появится расточительный наследник, начинающий тратить его по мелочам, то сокровище быстро иссякнет, и капитал окажется совершенно потерянным для его владельца; но последний может употребить его (капитал) с гораздо большей выгодой», например — на покупку земли³⁴.

Прекрасную иллюстрацию к рассуждению Тюрго находим в сценах из трагикомедии Пушкина «Скупой рыцарь»³⁵. Здесь комическое своеобразно переплетается с трагическим. А суть дела — в непримиримом конфликте между юным дворянином, пребывающем в плену феодальных рыцарских традиций, Альбером и его отцом. Сын со всей страстью молодости рвётся к рыцарским турнирам и любви. «И жить торопится, и чувствовать спешит». А вот его отец — престарелый барон — человек совершенно иного душевного склада. В его образе проступают черты стяжателя, накопителя, скрытно богатеющего в недрах перзрелого феодализма. Психология стяжателя в условиях первоначального капиталистического накопления толкает к сгребанию денежного богатства любыми способами. Подвал барона с сундуками, набитыми сокровищами, невольно воспринимается как символ богатеющей подспудно буржуазии, накапливающей силы перед решающим рывком — выходом на историческую авансцену.

Барон не скрывает от себя бесчеловечную сторону своего стяжания: сколько людских забот, обманов, слёз, молений и проклятий незримо отягощают его сокровища. Тем не менее, он не изменяет своей страсти, а тщеславится: «Я царствую! ... Послушна мне, сильна моя держава». Но совесть грызёт сердце старика, докучливы воспоминания о проклятиях, которыми осыпали его те, которых он ограбил. И ещё старого барона ужасает непрерывно скребущая сердце мысль, что его единственный наследник, сын, которого он держит в чёрном теле, в одночасье растранижит всё богатство, как только снимет с его трупа ключи к отцовским сундукам. Старый барон с гневом восклицает:

*«Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью прибрёл».*

Сын барона, со своей стороны, униженный своим нищенским положением в отцовском доме, решает обратиться прямо к герцогу — своему сюзерену, чтобы найти управу на скрягу — родителя:

*«...пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышь,
Рождённую в подполье».*

Столкновение во дворце между отцом и сыном, в присутствии герцога, обнаруживает непримиримость их жизненных позиций. Вызов старым бароном сына на дуэль — это своего рода символ приближающегося вооружённого столкновения буржуазии и феодалов. Престарелый барон, сердце которого не выдержало эмоционального напряжения, умирает. Что же, не всякий рывок к цели был успешным, особенно — в отсталой, раздробленной Германии. Последние слова умирающего: «Где ключи? Ключи, ключи мои!» Они подчёркивают решающую роль имущественного вопроса в противоборстве зреющей буржуазии и теснимой аристократии. В последних словах герцога Пушкин достиг шекспировской силы исторического обобщения: «Он умер. Боже! Ужасный век, ужасные сердца!» Да, спор между знатью и буржуа был ужасен. Трагична и судьба правителей, закосневших в феодальных предрассудках, захваченных врасплох историческим переворотом, не постигающих, по Есенину, куда «несёт их рок событий».

Другой великий поэт — Генрих Гейне, политемигрант, страстно любивший свою родину — Германию, но ненавидевший реакционные режимы её многочисленных князьков, сочинил язвительное произведение с многозначительным заголовком: «1649-1793 — ???» где 1649 — это год казни революционерами английского короля Карла I, 1793 — дата, когда были отправлены на эшафот французский король и его супруга — королева. А вот три вопросительных знака достаточно откровенно намекают на страстное ожидание поэта: когда же полетят головы ненавистных германских тиранов.

Окончание в следующем номере

³⁴ Там же. С. 607.

³⁵ Пушкин А.С. Соч.: в 3-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 426-441.

Список литературы:

1. Данте. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. М.: Наука, 1968.
2. Данте. Малые произведения. Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: Наука, 1968.
3. Загладин Н.В., Симония Н.А. Всеобщая история. М.: Русское слово, 2007.
4. История Франции. М.: Крафт, 2009.
5. Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008.
6. Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Госполитиздат, 1949.
7. Маркс К. Капитал. Том 2. М.: Госполитиздат, 1949.
8. Маркс К. Капитал. Том 3. М.: Госполитиздат, 1949.
9. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1955.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955.
11. Михаленко Ю.П. Дюпон де Немур: распространение физиократических идей в условиях борьбы европейских держав за преобладание // Философия и культура. 2011. № 7. С. 155-182.
12. Михаленко Ю.П. Франсуа Кенэ — родоначальник физиократии // Философия и культура. 2010. № 7. С. 83-104.
13. Пушкин А.С. Сочинения в трёх томах. Том 2. М.: Художественная литература, 1986.
14. Тьерри О. Избранные сочинения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
15. Тюрго А. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
16. Уколова В.И., Ревякин А.В. Всеобщая история. М.: Просвещение, 2009.
17. Шекспир У. Венецианский купец. Комедия. СПб: Азбука-классика, 2009.

References (transliteration):

1. Dante. Bozhestvennaya komediya / Perevod M. Lozinskogo. M.: Nauka, 1968.
2. Dante. Malye proizvedeniya. Kommentarii I.N. Golenishcheva-Kutuzova. M.: Nauka, 1968.
3. Zagladin N.V., Simoniya N.A. Vseobshchaya istoriya. M.: Russkoe slovo, 2007.
4. Istoriya Frantsii. M.: Kraft, 2009.
5. Kene F, Tyurgo A. Dyupon de Nemur. Fiziokraty. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya. M.: EKSMO, 2008.
6. Marks K. Kapital. Tom 1. M.: Gospolitizdat, 1949.
7. Marks K. Kapital. Tom 2. M.: Gospolitizdat, 1949.
8. Marks K. Kapital. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1949.
9. Marks K. Teorii pribavochnoy stoimosti. M.: Gospolitizdat, 1955.
10. Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1955.
11. Mikhalenko Yu.P. Dyupon de Nemur: rasprostranenie fiziokraticheskikh idey v usloviyakh bor'by evropeyskikh derzhav za preobladanie // Filosoфиya i kul'tura. 2011. № 7. S. 155-182.
12. Mikhalenko Yu.P. Fransua Kene — rodonachal'nik fiziokratii // Filosoфиya i kul'tura. 2010. № 7. S. 83-104.
13. Pushkin A.S. Sochineniya v trekh tomakh. Tom 2. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
14. T'erri O. Izbrannye sochineniya. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
15. Tyurgo A. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
16. Ukolova V.I., Revyakin A.V. Vseobshchaya istoriya. M.: Prosveshchenie, 2009.
17. Shekspir U. Venetsianskiy kupets. Komediya. SPb: Azbuka-klassika, 2009.